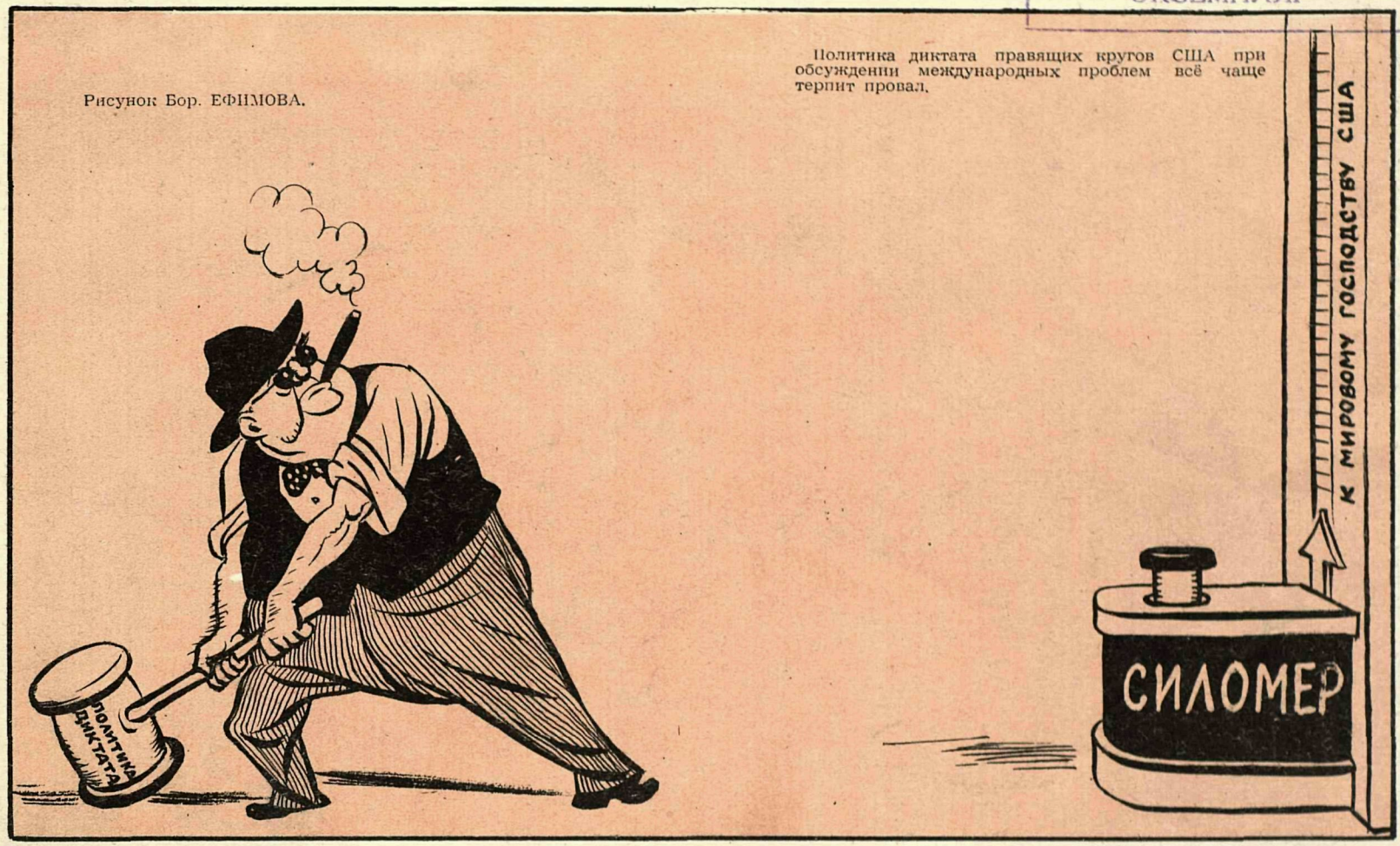
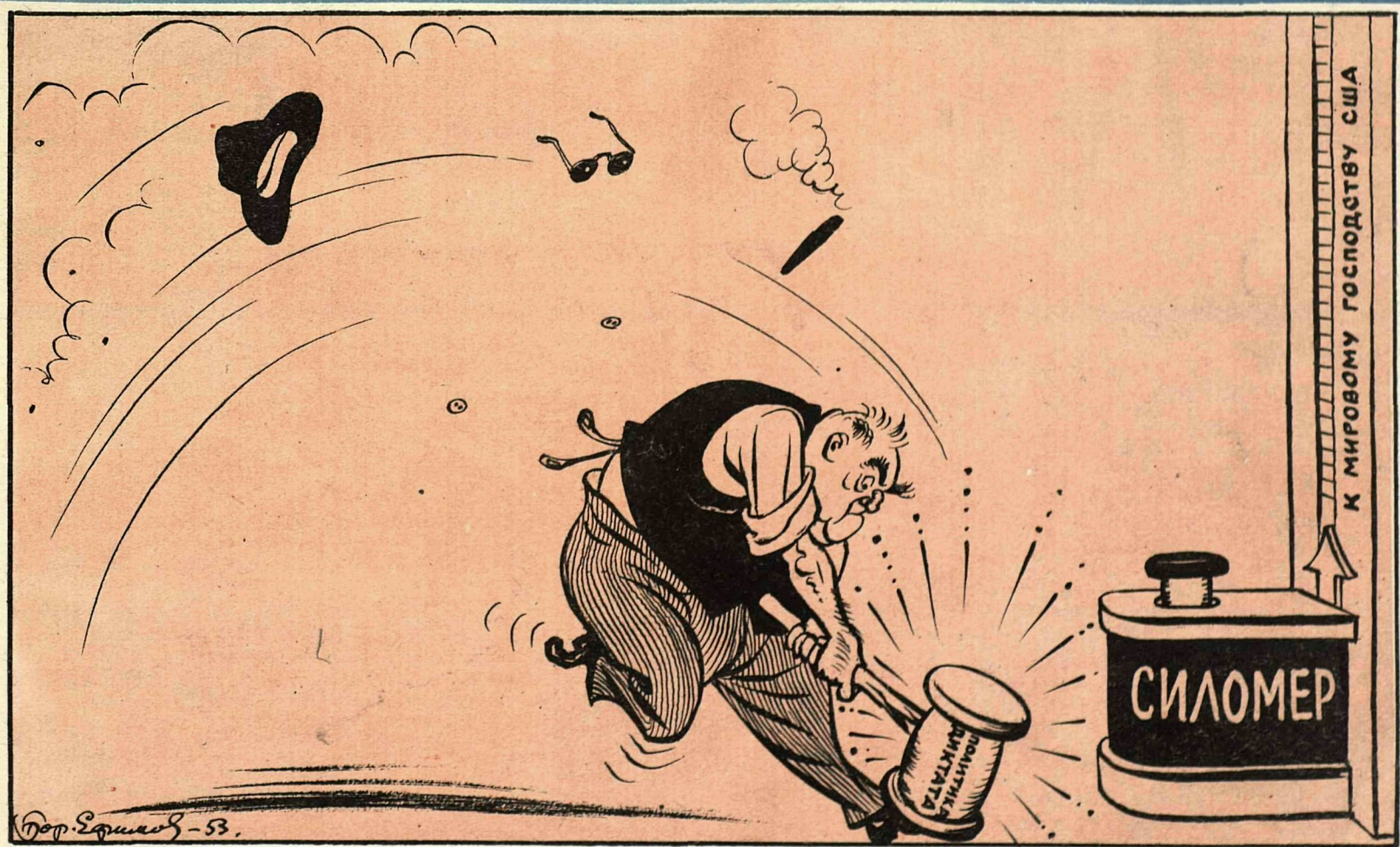

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

Политика диктата правящих кругов США при
обсуждении международных проблем всё чаще
терпит провал.

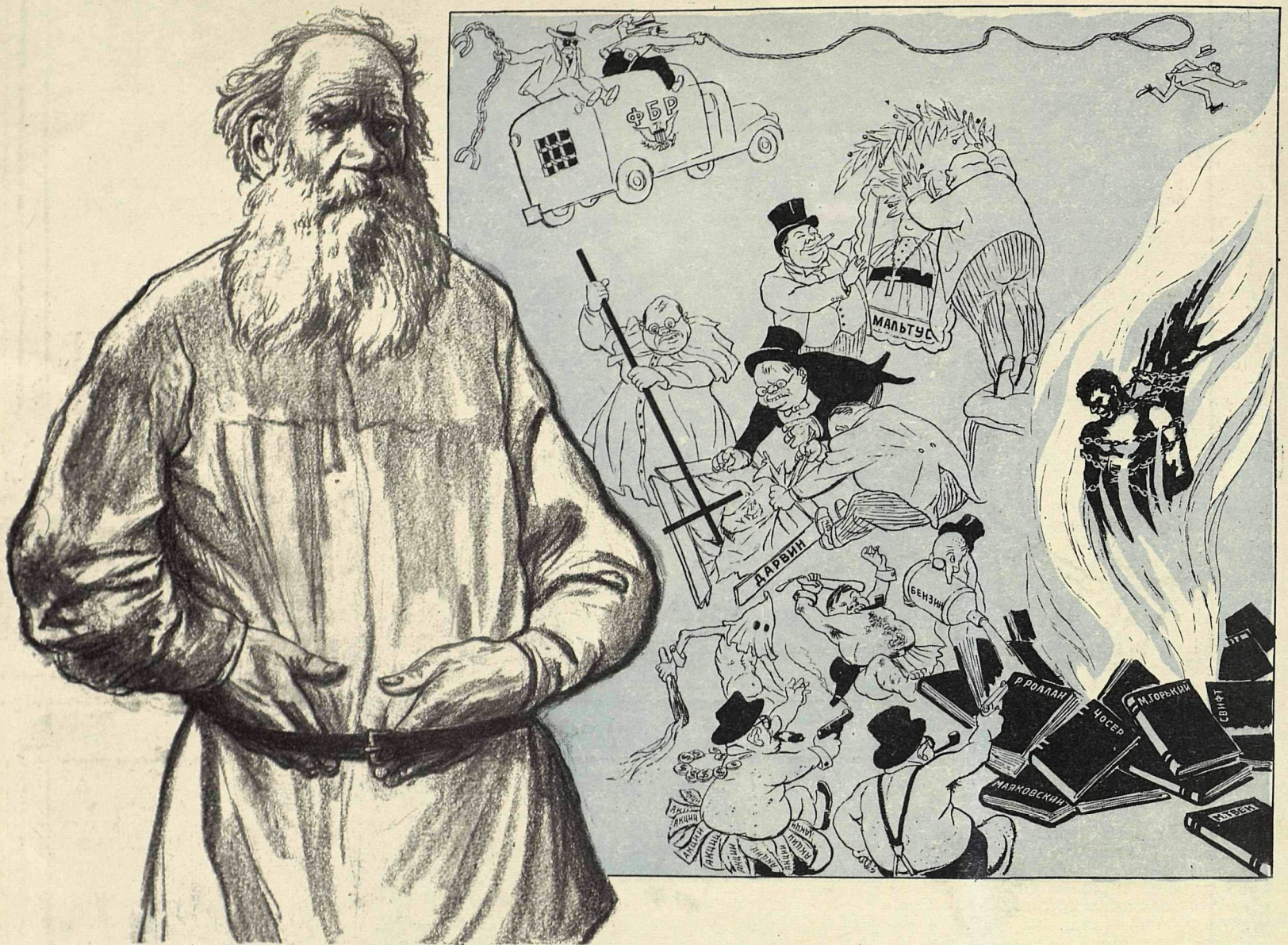
РАЗМАХ...

Бор. Ефимов - 53.

...И УДАРИ..

К Р О К О Д И Л

Л. Н. ТОЛСТОЙ: — Вот где подлинная власть тьмы!

В. ЗИМОВЕЦ

Не продавайте глаз!

Американское агентство Юнайтед Пресс сообщает, что в Нокс-сити (штат Техас) молодая замужняя женщина, мать троих детей, не имея средств к существованию, продаёт свой глаз богачу Фрэнку Венбу, который намерен, по совету врачей, сделать операцию пересадки глаза.

Сенсация — пища продажных газет.
Но тут ограничились парюю фраз:
Мол, мистер такой-то, чтоб лучше глазеть,
Купил у бедной женщины

глаз.
Но это в Америке вовсе не ново,
И, право, нет смысла
бить в набат...
У женщины выхода нет иного,
А мистер такой-то чертовски богат.

Ему за прогрессом сторонников мира
Смотреть
да смотреть надо...

А женщина,
если детей накормила,
Поди, и тому рада...
И сводится всё
к такому мнению

(Об этом, конечно, они не пишут):
Зачем этой бедной женщине зрение?
Слепая — она тише...

Ещё отказал бы язык ей к тому же,—
Удобнее было б вдвойне:
Слова не молвит —
бери её мужа
И убивай на войне.

Вырастут дети —
детей туда же.
Чем они лучше отца?
Ну-ка, а что ещё есть в продаже:
Мысли...
Надежды...
Сердца?!
И очень много
ещё могло бы
Последовать пахнущих долларом фраз...

* * *

Женщины Штатов!
Смотрите в оба!
Не продавайте глаз!

Что бы почитать?

В США производится массовая чистка библиотек. В число запрещённых и подлежащих сожжению книг попали не только произведения современных прогрессивных писателей, но и книги классиков мировой литературы. Протест общественности против фашистской «кампании по сожжению книг» находит своё выражение даже на страницах реакционной печати. Фельетон, перевод которого публикуется ниже, написан журналисткой Линдсей и был недавно помещён в газете «Вашингтон пост».

В поисках советов о том, что мне прочитать, во время летнего отпуска, я обнаружила, что все мои друзья были как-то странно неразговорчивы.

— Не думаете ли вы, — сказал мне один из них, — что для вас было бы безопаснее заняться плаванием?

Я сразу же вспомнила о кампании по запрещению книг, которая приобрела такой широкий размах в стране. В Сан-Антонио угрожают даже сжечь книги. Мысль о возможности стать виновной из-за чтения книг несколько омрачила меня, и я поспешила к своему юриконсульту — доктору Гулливеру Шраггу, владельцу «Шрагг Спектор Спай энд Сэйфти Фэрст Сэрвис».

— Могу ли я быть уверенной в том, что буду читать во время отпуска разрешённые книги? — выпалила я, не переводя дыхания. Доктор Шрагг поднял трубку телефона и набрал номер.

— Не получен ли ещё доклад из администрации относительно списка литературы, рекомендуемой на лето?.. Да, понятно... Пока ничего официального ещё нет, — сказал он, положив трубку. — Они по горло заняты книгами, находящимися за границей. А что вы хотите читать?

— Гм, я слышала, что наши библиотеки, находящиеся за границей, покупают книги американских авторов, умерших до 1919 года, и я думаю, что будет безопаснее, если я обращусь к старым добрым дням в литературе, ну, скажем, к Эмэрсону...

— О, нет! Он мечтатель, идеалист, теоретик! Кроме того определённые группы не одобряют его стряпню о «сверхдуше».

— Меня осенила другая мысль! — воскликнула я. — Помните Парсона Адамса из книги Филдинга «Джозеф Эндрюс»? Когда он во время своих странствований оказывался в беде, ну, к примеру, встречался с разбойниками, он садился под дерево и читал Аристофана. Почему бы мне не поступить так же?

— Аристофан — иностранец, — внушительно сказал Шрагг. — Хорошо, тогда я буду читать письма Джефферсона.

— Джефферсон не подходящ в эти времена. Также и Линкольн. Некоторые цитаты из их трудов, особенно если они вырваны из текста, антиамериканские.

— Тогда я займусь чтением Генри Джеймса, который вновь становится популярным. Он в почёте.

— Изгнанный! — промычал Шрагг. — Кроме того я не советовал бы вам увлекаться его «изнеженным интеллектуализмом», как сказал об этом Гитлер.

— Постойте, восстановление гитлеровского отношения к книгам подорвёт к нам доверие в Европе гораздо больше, чем что-либо другое. Сожжение книг — такая вещь, с которой европейцы, и особенно немцы, хорошо знакомы. Они имеют отличное представление о том, куда это ведёт.

Шрагг удивлённо посмотрел на меня: — Запомните, что я говорю с вами не как человек, а как профессионал. Сейчас не время для подобных обсуждений.

Я взяла в руки свой список книг.

— Будет ли разумным прочесть «Маленькую женщину»?

— Давайте посмотрим... Луиза Элкотт. Не был ли её старик связан с трансценденталистами?

— Хорошо, здесь в моём списке имеется «Геккльберри Финн».

— Марк Твен ещё не проверен комитетом полезного чтения.

— А что вы скажете о «Моби Дик»?

— О «Моби Дик»? Не следует: она находится в списке классических книг, которые расследуются в Калифорнии.

— Тогда я займусь чтением детективных романов. Что вы скажете о книге «Скелет на межпланетном корабле»?

— Она не одобряет автора, — сказал Шрагг, глядя в список.

— Кто «она»?

— Миссис Офелия Литтавит Шинззи, организовавшая «Лигу наблюдения за книгами».

— Я только что подумала о сентиментальной книге прошлого столетия «Всеобъемлющий мир».

— О, нет! Она значится в чёрном списке доктора Дэрис Иглтон, так как в ней содержится пропаганда идей ООН.

— В конце концов что же я могу читать?! — воскликнула я.

Шрагг с опаской оглянулся по сторонам и вытащил из ящика своего письменного стола новенькую книжную обложку.

— Не отчаивайтесь, — сказал он, — пока существует «Шрагг Сэйфти Фэрст Сэрвис», имеется выход из любого положения.

Шрагг протянул мне обложку, на которой было написано: «Предвыборные выступления Уильяма Генри Гаррисона».

— У меня имеются и другие заголовки на обложках, которые подходят под разные размеры книг, — пояснил Шрагг. — Пожалуйста, полный комплект серии книг «Маленький полковник», «Мальчик Алгер», «Элси Динсмор». Здесь вам и «Двойники Боббси», «Длинные ноги папы», «Как стать счастливым», «Гостинные шаррады», «Альманах дядюшки Эбба», «Исследования кокона долгоносика», «Конгрэшна Рекорд», и, конечно, у меня имеются обложки с заголовками всех книг, написанных членами конгресса.

— Но в чём же суть всего этого? — недоумённо спросила я.

— А в том, — прошептал Шрагг, — что читать вы можете что угодно, но только под этими обложками.

Я молча стала отбирать обложки разных размеров...

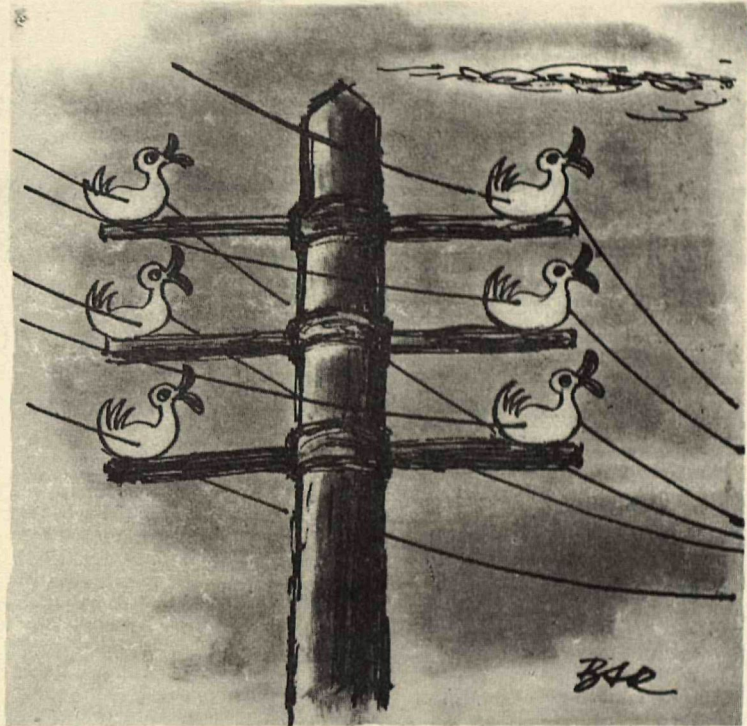
Szpilki

ПОЛЬСКИЙ САТИРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

В ГОСТЯХ У КРОКОДИЛА

Западногерманская газета «Телеграф» систематически печатает клеветнические измышления о Польше.

Рисунок К. ФЕРСТЕРА.

«Телеграф» сообщает...

Рисунок К. БАРАНЕЦКОГО.

Совещание с Ли Сын Маном.

Двадцать три и восемь десятых

Один немолодой колхозник проживал со своей старухой на хуторе в том самом районе, где сейчас раскинулось Цимлянское море.

Три года назад хутор этот по плану строителей оказался в зоне затопления. Предстояло переехать на новые места, чтобы не очутиться на дне будущего моря.

Старуха взгрустнула от такой великой перемены, но старик Фёдор Фёдорович спокойно отнёсся к событиям. Он осмотрел новые места, одобрил их и стал полегоньку готовиться к переезду.

Нет, особого удивления он не проявил, когда трактористы приподняли домкратами его домишко и на салазках перевезли за двадцать километров. Но одна деталь, связанная с переездом, всё же необыкновенно поразила старика. Он был до крайности удивлён, когда на новом месте строители указали людям, где ляжет край воды будущего моря.

Вот это указание строителей чрезвычайно изумило нашего старика. Он обошёл многие хутора и станицы на их новых местах, и оказалось, что уже всюду был отмечен берег будущего моря. И даже с такой точностью, что некоторые станицы назвали свои крайние улицы набережными.

С немалой гордостью старик подумал о наших строителях, которые так красиво и чётко планируют воду. Но потом червь сомнения стал подтачивать его сердце. Ему вдруг показалось, что у строителей моря не получится: вода уйдёт сквозь грунт в глубину и там растечётся.

И вот целую неделю буравит его эта тревожная мысль. «Уйдёт, — думает, — от них вода, в землю всосётся».

Конечно, Фёдор Фёдорович имел всего двухлетнее образование, да и то получил полвека назад, однако дело об утечке воды, казалось, не требовало высокого образования. Тут логика сама за себя отвечала. Земля перепаханная, рыхлая. В такую землю вода не может не войти. Она непременно в неё войдёт и просочится глубже. Вот это будет скандал на весь мир! Скажут: «Не получилось у них моря, утекло сквозь грунт в земные недра».

Чувствует старик: надо бы сказать об этом людям, предостеречь строителей от такой опасности. Будет неловко, совестно, если море уйдёт, а набережные в степи останутся.

Но кому об этом сказать? В правлении своего колхоза? Вот на этот шаг Фёдор Фёдорович не решился. Подумал: люди станут над ним подтрунивать, ежели окажется, что он неправильно мыслит.

Свою же старуху он с утра до ночи допрашивал подобными разговорами. Однако старуха, слишком далёкая от таких забот, отмалчивалась. И только однажды, выведенная из терпения, сердито воскликнула:

— Весь век прожил без моря, так и теперь без него обойдётся, если оно у тебя утечёт!

Но потом, увидев, что супруг её окончательно раскис от своих тревожных мыслей, сказала ему более мягко:

— Не надо, Федя, со мной толковать об этом. Я почём знаю, что у них будет и получится. Побеседуй с нашим сыном Петрушей. Всё-таки он четыре аттестата имеет. Он тебе скажет, утечёт ли море или оно тут, при тебе останется.

У них был сын Пётр Фёдорович. Шофёр. Раз в неделю он заезжал на хутор повидать своих родителей и отчасти покушать пирогов. Он действительно имел четыре аттестата. Он окончил в своё время семилетку, школу водителей автомашин, краткосрочные курсы и ещё одни курсы, на которых он проходил переподготовку. К этому добавим, что Пётр Фёдорович за-

нимался ещё самообразованием: много читал. В общем, если считать по годам, проведённым за книгой, то следует сказать, что почти вся сознательная жизнь Петра Фёдоровича прошла в интенсивной учёбе.

По этой причине нежные родители считали, что по культуре и знаниям их Пётр уже достиг тех командных высот, какие позволяют людям обозревать мир с полным пониманием всех происходящих процессов.

Фёдор Фёдорович не хотел обращаться к сыну за справкой: он вообще избегал задавать сыну какие-либо вопросы, чтобы не подрывать свой родительский авторитет. Но тут, вынужденный обстоятельствами, всё же заговорил с ним о море. Однако, к великому удивлению, увидел, что Пётр ничего не смыслит в этом вопросе.

Почёсывая свой затылок, Пётр Фёдорович сказал:

— Ваш вопрос об утечке моря, папаша, застал меня врасплох. И поэтому, не подумавши, я не берусь на него ответить.

Пообедав и часок поспав, сын сказал отцу:

— Ко всем нашим мероприятиям, папаша, я, как вам известно, питаю глубочайшее доверие. И хотя вода и в самом деле в землю всасывается, тем не менее, вопреки этому закону, тут, видимо, следует ожидать обратных результатов. Иначе не стали бы строить. Так что будем надеяться, что море получится.

Такой витиеватый ответ ещё больше встревожил старика. Уж если сын не взялся ответить на этот вопрос, то, стало быть, и строители столкнутся с неожиданностью. Видимо, и среди них поднимется волынка, когда спущенная вода пойдёт гулять по вспаханым полям. Она стремительно начнёт всасываться в землю, и уж тут будет поздно её удерживать.

Сын Пётр уехал в воскресенье вечером, а в понедельник утром Фёдор Фёдорович, ничего не сказав жене, ушёл из дома.

В полдень люди видели его в штабе гидротехнического района. Решительной походкой он вошёл в помещение штаба, и когда инженеры обступили его, он им рассказал о своей тревоге.

Молоденькая машинистка, находившаяся в помещении, засмеялась, услышав слова об утечке моря. Но один из инженеров строго сказал ей:

— Напрасно смеётесь, Анечка. Наша геологическая наука именно так и ставит вопрос: уйдёт ли море, если в недрах земли не окажется водонепроницаемых пород?

И тут, обернувшись к нашему старику, инженер сказал:

— Да, несомненно, вода просочится сквозь грунт. Все ближайшие пласты земли сильно пропитаются водой. Но это и установит нужное равновесие. Эти пласты явятся барьером и будут препятствовать уходу воды. Поэтому нет оснований думать, что искусственное море исчезнет.

Другой, видимо, главный инженер, добавил к этим словам:

— Конечно, при наличии глубоких трещин возможны катастрофы. Однако наука заранее исследует недра земли. В данном случае наши учёные уже дали свои сведения проектировщикам. А те с учётом этого произвели свои расчёты и даже установили, что в Цимлянском море будет 23,8 миллиарда кубометров воды. Правда, этот объём будет достигнут не сразу, а только к лету 1953 года.

Неловко было Фёдору Фёдоровичу слушать эти слова. Но он ещё более смутился, когда главный инженер, крепко пожав ему руку, сказал:

— Ваша тревога оказалась напрасной, но за этой тревогой мы видим искреннее желание нам помочь. И поэтому я сердечно благодарю вас от имени всего коллектива.

Фёдор Фёдорович сам не помнил, как он вернулся домой. Сердце его ликовало от многих дум, но вместе с тем ему было невыносимо грустно, что в своё время он не поступил в школу для взрослых и даже не посещал лекций, какие читали приезжие лекторы.

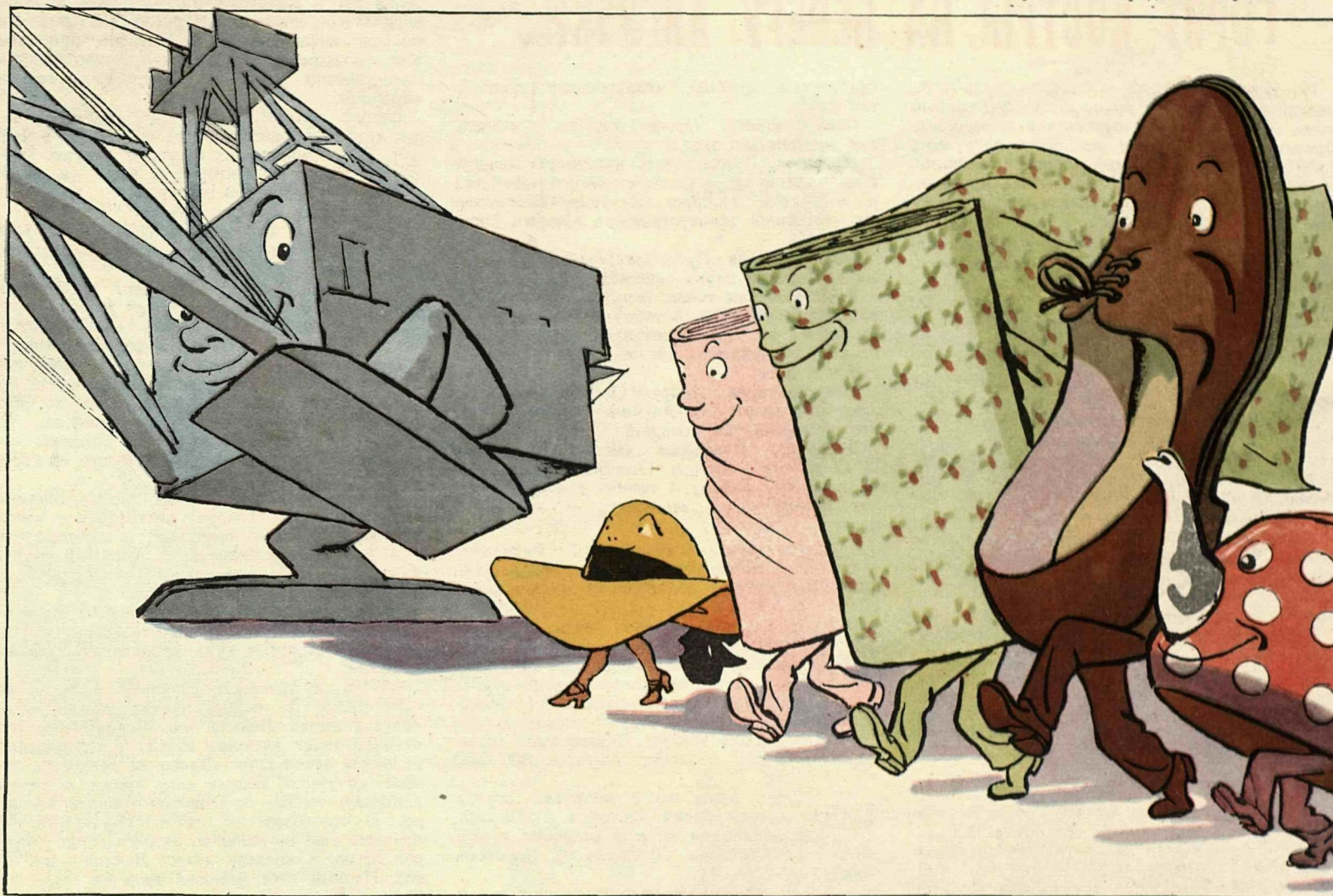
Вечером, укладываясь спать, Фёдор Фёдорович сказал старухе:

— Уж теперь я и не знаю, что мне о нашем Петре думать. Конечно, понимаю, всё изучить нельзя. Но всё-таки основы надо бы знать...

* * *

Недавно в газетах промелькнуло краткое сообщение: «В мае этого года Цимлянское море достигло своего проектного объёма — 23,8 миллиарда кубометров воды».

С волнением я прочитал эти сухие газетные строчки. И, живо вспомнив всю эту историю, записал её в том виде, в каком услышал от одного знакомого гидролога.

ЭКСКАВАТОР: — Подтянись!

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

Начальнику комбината «Востсибуголь» М. Н. МАРКЕЛОВУ
и его первому заместителю В. В. СОБИЦКОМУ, г. Иркутск.

Уважаемые Михаил Николаевич и Виктор Власович!
Примите искреннее сочувствие по поводу постигшей вас неприятности. Кто бы мог предположить, что ваша бурная деятельность по перестройке аппарата, так блестяще начатая, будет неожиданно прервана! Самое обидное, что ваши начинания пресечены именно теперь, когда всё, казалось, сулило им расцвет и всеобщее признание. Недавно я имел удовольствие прочитать в местной газете поклон и привет моего младшего собрата, «Черемховского Крокодила», который не в силах был сдержать нахлынувших чувств и выразил вам своё неподдельное восхищение.

Вы смело и решительно отбросили устаревшее представление, что ночью нужно спать. Авторитетно и категорически вы заявили, что лишь в сказках и детских песенках утверждается, будто ночью все спят, даже слоны и медведи.

Вы возмутились, узнав, что на шахтах и в трестах комбината люди работают только днём, а ночью почему-то предпочитают отдыхать и при этом ссылаются на установившиеся традиции и привычки.

— Довольно жить законом, данным Адамом и Евой! — прогремел по периферии ваш приказ. И, никого заранее не предупредив, вы, Михаил Николаевич и Виктор Власович, от слов перешли к делу.

Однажды ночью, когда руководящие сотрудники шахт треста «Кировуголь» безмятежно нежились в постелях и видели вторые сны, вдруг по всем квартирам тревожно зазвонили телефоны.

— Свистать всех наверх! — раздалась морская команда. — Начальникам шахт в три часа прибыть на совещание!

Начальники шахт, сонные, едва протерев глаза, никак не могли сообразить, почему, собственно, если совещание назначено на три часа дня, об этом нужно предупреждать ночью.

Вы быстро внесли ясность:

— Понимать надо. Это раньше вы работали только днём. Разленились без меры, распустились. Давно пора покончить с подобной раз-

болтанностью. Отныне мы будем держать руководящий народ в напряжении, приучать их работать по ночам.

Совещание состоялось в три часа ночи. После первых же ваших напутственных слов сонливость как рукой сняло. Вы сумели влить бодрость, и в семь часов утра, когда ночное совещание закончилось, начальники и не подумали о том, чтобы вернуться домой доспать, а дружно направились на шахты, чтобы делом доказать, что ваша ночная зарядка не пропала даром.

Лиха беда — начало. С тех пор диспетчерские совещания, переключки, «авралы» стали проводиться исключительно в ночные часы. Просто диву даёшься, как ваши подопечные начальники шахт быстро нашли выход из положения и ухитрились спать урывками между совещаниями и переключками. Нередко бывало и так, как предусмотрел ещё в прошлом веке поэт: «И изумлённые народы не знают, что начать: ложиться спать или вставать».

Надо отдать должное, Михаил Николаевич и Виктор Власович, вы заставили весь руководящий персонал шахт перестроиться. Начальники шахт забыли, что такое клуб, кино, книга. На ночь они устанавливали у самой постели телефон. Ложились спать, не раздеваясь, чтобы всегда быть наготове и по первому приказу отправиться в «ночное».

И вот теперь вся эта уже налаженная и размеренная жизнь летит вверх тормашками! Я себе ясно представляю ваше смущение и растерянность, когда до вас дойдёт постановление правительства о том, что работать следует только днём, а ночью всем руководящим работникам, даже начальникам комбинатов, нужно отдыхать и спать.

Ну, как вам не посочувствовать: теперь придётся во-время обедать и во-время ложиться спать. Теперь нельзя будет не пойти с женою в театр, сославшись на ночное селекторное совещание. И если теперь, в свободный от переключек вечер, вас пригласят в клуб на обсуждение нового романа, вы не сможете отказаться от приглашения только потому, что не имели времени прочесть этой книги.

Позвольте же по этому поводу ещё раз выразить вам сочувствие и искренне пожелать вам и всем руководящим работникам шахт и трестов комбината:

Плодотворной работы днём и приятных сновидений ночью!
Остаюсь

уважающий вас

Крокодил.

ГОРЯТ КОСТРЫ НА БЕРЕГУ АЯГУЗКИ...

По дороге, ведущей к станции Бель-Агач, двигался мощный конно-механизированный обоз. Авангард обоза составляли пароконные брички. Большая часть их была загружена туго набитыми мешками, ящиками, тюками. Между ними и сверх них подпрыгивали связанные верёвками котелки, чайники, вёдра и разная хозяйственная утварь.

За бричками, понуриив головы и немилосердно пыля, брело десятка три — четыре овец, которых подгоняли два конника.

Вслед за овцами, соблюдая солидную дистанцию, промывали тракторы. На прицепе у них были сенокосилки, тракторные грабли, полевая кухня.

На подходе к станции обоз догнали четыре грузовые автомашины. Они везли людей.

На станции Бель-Агач обоз встретил озабоченный мужчина в белоснежном кителе, видимо, районный или областной руководитель. Он показал приехавшим на состав, стоявший на запасном пути:

— Для вас. Начинайте погрузку.

Люди дружно взялись за дело. Не прошло и четырёх часов, как машины, повозки, лошади, овцы, мешки, ящики были погружены в вагоны и на платформы. Затем стали устраниваться по вагонам и сами пассажиры.

Человек в белом кителе жал отъезжавшим руки:

— До свиданья, товарищ Стриков! Счастливого пути, товарищ Лазурин! Косите дружно! Как это у поэта сказано:

Зажужжи, коса,
Засверкай кругом!..

Отъезжавшие снисходительно улыбались:

— Нам не придётся махать косой: механизировано это дело на все сто процентов...

Утром следующего дня председатель исполнительного комитета Ново-Покровского районного совета депутатов трудящихся тов. Воронцов разговаривал по телефону с Семипалатинском:

— Согласно вашим рекомендациям, в пойму реки Аягузки отправлен кормозаготовительный отряд в составе ста человек. Отряд имеет 6 тракторов, 16 сенокосилок, несколько

тракторных граблей, механический пресс и так далее.

Семипалатинск. Очень хорошо. Скажите, кто возглавляет отряд?

Воронцов. Руководитель надёжный: заведующий районным отделом сельского хозяйства и заготовок товарищ Лазурин. Помощник его — старший землеустроитель товарищ Стриков.

Семипалатинск. Продовольствием, денежными средствами отряд снабжён?

Воронцов. Так точно. Везут с собой 36 баранов, 6 тонн муки, 5 тонн овса, масло, крупы и прочее. Руководителю отряда выдано на текущие расходы пятнадцать с половиной тысяч рублей.

Семипалатинск. Добре. Сколько предполагаете заготовить на Аягузке сена? Говорят, что травостой там хороший.

Воронцов. Намечаем взять в среднем 15 центнеров с гектара. Отведены облисполкомом нашему району 3 тысячи гектаров. Значит, можно будет заготовить 40—45 тысяч центнеров сена.

Семипалатинск. Замечательно! Передайте привет передовикам отряда. Через каждые три дня информируйте облисполком о ходе сенокосных работ.

Прошло три дня... четыре... пять, а от экспедиции ни слуху, ни духу.

«Что они там... заплутались или прохладятся?» — с неудовольствием и беспокойством размышлял тов. Воронцов, но облисполкому докладывал в бодрых тонах:

— Жду сводку завтра. Обязательно должна быть. Надо полагать, гектаров 500—600 уже скопили.

На восьмой день после отправки отряда прибыла долгожданная весточка с Аягузки. Это была докладная записка старшего землеустроителя Стрикова. Прочитав её, Воронцов схватился за голову:

— Какой же умник надоумил послать на Аягузку такой отряд?

— Позвольте, — ответил заместитель, — сенокосные угодья на Аягузке отведены облисполкомом.

— Какне там угодья! — с сердцем отмахнулся Воронцов. — Почитайте-ка докладную...

В докладной записке сообщалось:

«...Угодья обследованы совместно с представителем областного управления сельского хозяйства и заготовок тов. Сосниным и руководителями сенокосных бригад колхозов. На массиве площадью 1500 гектаров пригодны для сенокосения 200 гектаров. Растительность представлена горчаком, солодкой, пыреем и камышом.

Второй массив (тоже 1500 гектаров) зарос камышом, достигающим высоты 3—5 метров. Под сенокосение пригоден участок площадью около 90 гектаров, а всего на обоих массивах — около 300 гектаров».

Заместитель почесал затылок:

— Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Как же так получилось? Надо было обследовать раньше места.

— «Раньше, раньше!» — гневно воскликнул Воронцов. — А где вы все были раньше?

...Горят по вечерам костры. Сизый дымок стелется над камышами. На фоне темнеющего неба смутно вырисовываются силуэты лалаток, тракторов, сенокосилок, автомашин. За ними чернеет одинокая скирда. Это всё, что заготовили новопокровские заготовители на приречном участке. Если отъезд косарей задержится, то и этой скирды не будет: её съест скот отряда.

Задумчиво наблюдая за разгорающимся пламенем костра, говорят колхозники и механизаторы о делах насущных, о наблевшем: — Вот и откосились! А сена — в торбу уместить!

— Кто же заварил эту кашу?

— Уважаемый товарищ Коробов, начальник областного управления сельского хозяйства и заготовок. Он «подсказал» облисполкому...

— Что и говорить, сунулись в воду, не зная броду. А между прочим, председатель колхоза имени Ленина тов. Ворожейкин (он отлично знает здешние места) предупреждал районное начальство: «Зачем за тридевять земель тянуться? Ближе есть корма, в самих колхозах, только по-хозяйски собрать их надо. В сельхозартели имени «Казахстанской правды» ещё не скошено около тысячи гектаров лугов, в колхозе имени Ленина — шестьсот. Первый укос сеянных трав не везде закончен. А сколько сена лежит в валках!»

...Горят костры на берегу Аягузки... И прогорает, развевается, как дым, вся эта недодуманная затея.

А. ОМЕЛИН,
И. МЕРТЕШЕВ

г. Алма-Ата.

ДОРОГОЕ УДОВОЛЬСТВИЕ!

Рисунок В. КОНОВАЛОВА.

Нередки случаи, когда для того, чтобы купить тот или иной товар, покупатель вынужден ехать за ним в другой город.

— Говорят, дорогá ложка к обеду!
— Ещё бы! Одна дорога за ней обошлась в сотню рублей!

ВУЛЫ В ВОК

ПУТИ-ДОРОГИ

На кафедре педагогики Ставропольского педагогического института решили с институтской скамьи прививать студентам-географам склонность к путешествиям и отправили их в путь-дорогу: проходить производственную практику.

Пришли географы в 31-ю ставропольскую школу — не принимают. Отправились студенты в 18-ю.

— Нет у нас мест, — отвечают и в 18-й школе.

Снова пустились географы в путь по направлению к школе 64-й, а оттуда к 3-й школе, а оттуда...

В общем, найдя вдоволь, студенты осели в школе № 32. Только практики настоящей у них не получилось: на каждый класс приходится около десяти студентов.

Такая печальная история случилась не только с географами, а и с математиками, историками и физиками.

К каким практическим результатам приведёт подобная практика, неизвестно. Зато каждому ясно, что отношение к студентам со стороны кафедры педагогики по меньшей мере непедагогично.

ТРУДНЫЙ ЭКЗАМЕН

С. Войтович из Пинской области никак не предполагал, что самым трудным экзаменом при поступлении в Кадиевский горный техникум будет сдача документов и заявления о приёме. Увы! С. Войтович срезался именно на этом, хоть и отправил все документы ценным письмом. Сотрудники техникума, оказывается, не затрудняют себя

чтением приходящих к ним писем и возвращают их нераспечатанными, с заранее приготовленным ярлычком: «В связи с окончанием набора документы возвращаем. Директор техникума...».

Тов. Войтович пишет нам, что неудача его не обескуражила; он всё-таки надеется стать горным мастером и научиться пробивать врубовкой и горным комбайном угольные пласты любой толщины. Но до этого ему придётся пробить бюрократизм в канцелярских дебрях Кадиевского горного техникума.

В Скопинском горном техникуме пошли дальше кадиевцев: там, не читая, возвращают обратно не только заявления о приёме, но и вообще всю поступающую корреспонденцию без исключения. Возвращают под тем же предлогом: «Набор в техникум закончен». Видимо, не одному тов. Войтовичу придётся овладеть дополнительной специальностью.

У ФУТБОЛЬНЫХ ВОРОТ...

На спортивном небосклоне Калининграда неожиданно взойшло новое светило — футбольная команда «Красная звезда».

Первым обнаружил эту «звезду» директор целлюлозно-бумажного комбината № 2 тов. Агеев и тут же зачислил её в штат. Заработная плата футболистам выплачивается аккуратно: лишь бы умножали славу завода и города.

И они стараются на все 13 тысяч рублей, которые директор отпускает им ежемесячно. Они буквально дерутся за успех: уже нанесли травмы четырём игрокам местной команды «Динамо» и вратарю команды «Авангард».

Самое любопытное, что эти защищающие спортивную честь завода и Калининграда футболисты вовсе не калининградцы. А перебазировались они сюда на гастроли, задавшись целью путём коротких пассивов выиграть длинные рубли.

В «Красной звезде», как полагают, одиннадцать игроков. Но им явно подыгрывают ещё двое — заведующий сектором физкультуры и спорта облздравотдел тов. Бобылев и директор комбината тов. Агеев.

Жителей города очень интересует вопрос: а кто будет судить такую «игру»?

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО.

— Почему вы не используете новейшие приспособления!
— А мы и так приспособились.

КАК НИ СТРАННО, НО...

...промкоговорители, установленные в посёлке имени Ленина (Тульская область, станция Скуратово), вместо того, чтобы громко говорить, молчат из-за постоянных повреждений радиосети.

Очевидно, руководители местного радиоузла работают по пословице: «Слово — серебро, молчание — золото».

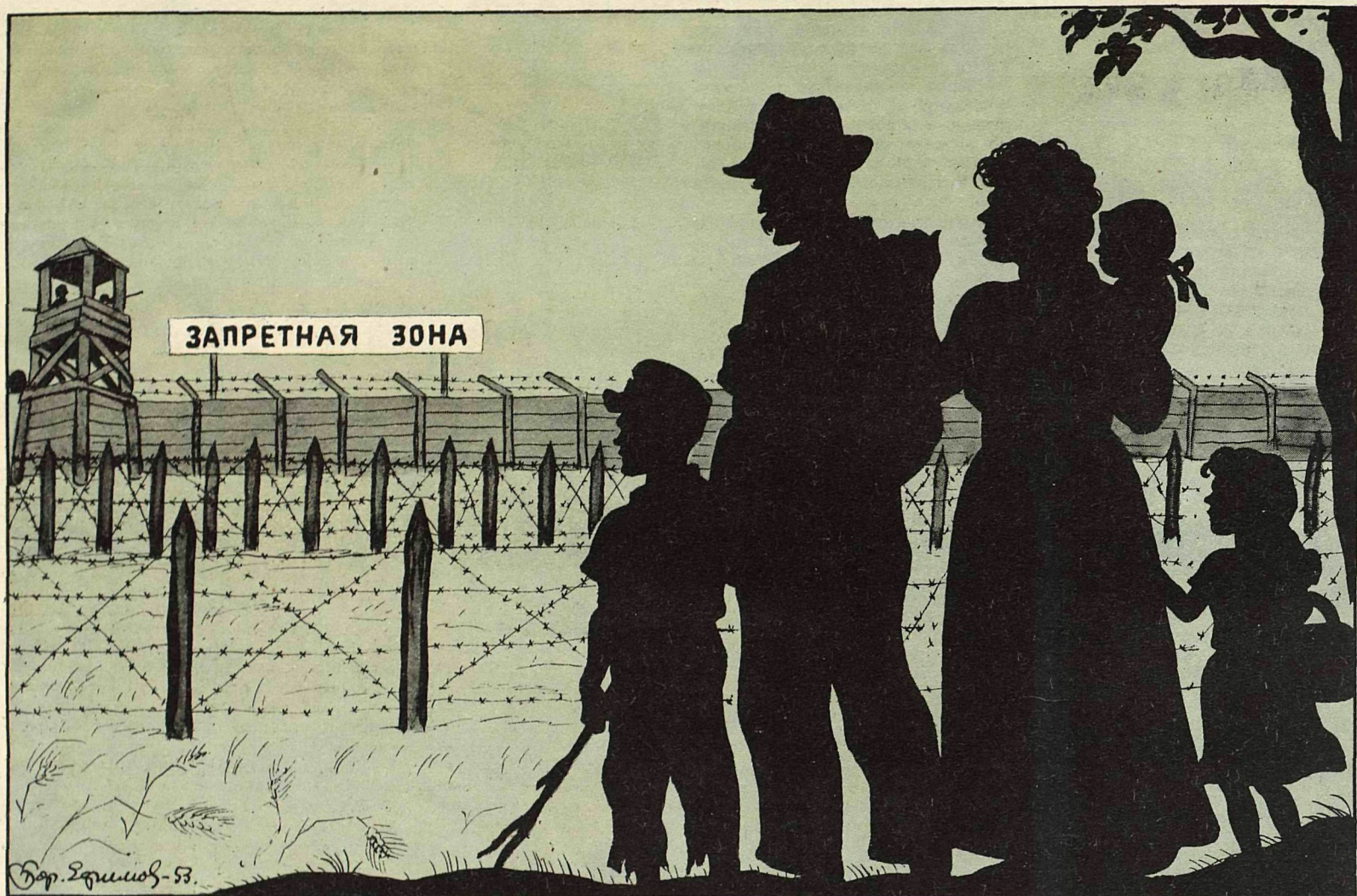
Но жители посёлка такому «золоту» явно не рады.

...7 августа 1953 года газета «Советский Сахалин» с исключительной оперативностью ввезла:

«Южно-Сахалинский государственный учительский институт объявляет приём на 1-й курс... Приём документов до 31 июля. Вступительные экзамены с 1 августа...»

Как видим, редакция предлагает поступающим вернуться во вчерашний день.

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

— Посеяли пшеницу, а вырос военный лагерь...

ПРИНЯТО НА ВООРУЖЕНИЕ

Представим себе, читатель, что мы попали на очередное заседание штаба «холодной войны», каких немало в соответствующих ведомствах Вашингтона.

Господа члены штаба, ёрзая в кожаных креслах, заняты обсуждением итогов и перспектив «психологического наступления» против стран народной демократии. Густой дым сигар висит над столом.

— Будем откровенны, джентльмены! — говорит председательствующий. — Провидение вложило в наши руки водородную бомбу. Но сумели ли мы использовать этот исключительный дар для проповеди свободы и мира?

— Не сумели, — слышится унылый ответ с дальнего конца стола. — Не успели...

— А что можно сказать о наших провозвестниках демократии, снаряжённых на доллары для подрывной работы за железным занавесом?

— Их вылавливают и судят.

— Каковы итоги «дня икс» в Берлине, подготовленного лучшими умами нашего штаба?

— Он провалился.

— Помощь продовольствием «голодающим» из Восточной зоны?

— Оказалась бумерангом.

— Воздушные шары с пропагандистскими листовками?

— Лопнули, как мыльные пузыри.

— Наш «Голос Америки»?

— Шипит впустую.

— Я рад, джентльмены, вашей осведомлённости о наших неудачах. Каковы перспективы, кто имеет слово?

Всеобщее молчание. Тучи сигарного дыма опускаются ниже.

Вдруг в неловкую паузу врывается топот ног и торжествующий крик откуда-то из коридора. В кабинет влетает известный сенатор, размахивая газетой:

— Найдено!

— Что?

— Новое средство! Самое эффективное! Читайте! Уф!..

Спрокидывая массивные кресла, сталкиваясь лбами, члены штаба впиваются жадными взглядами в жирно подчёркнутую статью газеты «Нью-Йорк геральд трибюн».

— Нет, вы послушайте, что пишет мистер Кэр! — восклицает отдышавшийся сенатор, выхватывая газету. — Правительство идёт на огромные затраты, применяя различные методы и средства пропаганды, но самое эффективное из них всё ещё остаётся нетронутым. Это марки. Обыкновенные почтовые марки! Оказывается, бездельники из почтового ведомства США до сих пор не уловили ничего нового в американском образе жизни и продолжают продавать всё те же скучные, бессмысленные ярлыки, которые появились много лет назад. Ведь это верно, джентльмены! Пусть бездельниками теперь займётся сенатор Маккарти. А почтовая марка должна быть немедленно взята на вооружение в «холодной войне»! Нужно, говорит мистер Кэр, чтобы почтовые марки восхваляли американскую помощь. Пришло время, требует он, выпустить марку, популяризирующую борьбу против коммунизма и воздающую хвалу нашим агентам по ту сторону железного занавеса.

— Взять на вооружение! — решительно резюмирует председательствующий.

В штабе «холодной войны» воцаряется атмосфера подъёма.

...В Соединённых Штатах имеет хождение марка, рекламирующая курортов, а те, кто собирался купить пол-Европы за яичный порошок, остались в тени. Есть марка в честь добровольцев-пожарников, а те, кто хочет раздуть пожар новой войны, всё ещё не привлекли внимания почтовиков. Но теперь, надо полагать, пройдёт немного времени — и почтовые марки США превратятся в «проводников свободы и демократии» в американском духе. Следует лишь для полноты представления об этой «свободе и демократии» издать марки с красочным изображением суда Линча, электрического стула, бесчинств американских оккупантов за границей.

Лондон.

В. МАЕВСКИЙ

ПЕРЛЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРЕМУДРОСТИ

Замечательный чешский сатирик Ярослав Гашек известен советскому читателю как автор многих рассказов, бичующих подлость, глупость, косность и пошлость буржуазного общества. На страницах коммунистической газеты «Руде право» печатались также острые политические фельетоны и пародии Гашека, разоблачающие буржуазию и её правосоциалистических прихвостней. Мы публикуем одну из таких пародий, «Перлы педагогической премудрости», написанную в 1921 году.

В русском переводе пародия «Перлы педагогической премудрости» публикуется впервые.

Статья в «Чехословацкой республике»¹ призывающая коммунистов к достойному поведению, была бы приблизительно такого содержания.

СОВЕТЫ КОММУНИСТАМ

Просто-таки неприлично, что некоторые коммунистические ораторы говорят слишком громко. Мне бы хотелось, чтобы ораторы произносили свои речи деликатным тоном и экономили голос.

Было бы полезно, чтобы перед каждым митингом они являлись в секретариат нашей газеты, где от господина правительственного советника получали определённые указания, что надо говорить и как надо говорить. Там же их сфотографируют, а фотографии мы пошлём на память в полицейское управление.

Мы уверены, что нашими доброжелательными советами никто не станет злоупотреблять. Мы будем весьма рады, если сможем помочь идеей, советом, указанием. Для коммунистических ораторов мы приготовили элегантные значки с надписью «Благонамерен». Обладатель такого значка может не бояться, что его возьмут на учёт органы жандармерии.

Мы идём так далеко навстречу господам коммунистическим ораторам, что даже составили для них подходящую программную речь, которую они будут читать на митингах и сходках.

Наша безграничная любовь к коммунистам не должна избаловать их, мы не потакаем всем их желаниям, не разрешаем им впадать в излишества. Проявляя известную строгость, мы не позволяем им своевольничать. Мы стараемся приказывать не грубо, а мягко, но из наших деликатных приказов не можем уступить ничего. Если мы что-нибудь запрещаем, так только потому, что это необходимо. Если наше правительство наказывает кого-либо, исключается наказание телесное. Наказание у нас не мечь, а важное предупреждение, с которым обязательно надо считаться.

Из всего этого ясно, что наша любовь к коммунистам совершенно не похожа на то, чем её считают некоторые субъекты. В основе

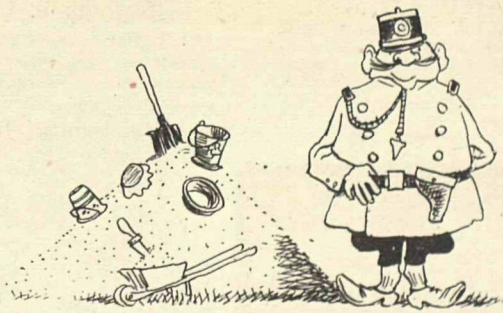
её лежат терпеливость и настойчивость, которые ведут наш правительственный орган к педагогической премудрости. А педагогическая премудрость помогает нам установить, что коммунистам на пользу и что во вред. «Чехословацкая республика» избирает наилучшие пути и средства, чтобы сблизить коммунистов с правительством. Наш правительственный орган не желает ничего иного, как только с са-

¹ Правительственный орган в буржуазной Чехословакии.

мого начала вести коммунистов на поводу своей любви и не потерять своей дружеской власти над ними и впредь.

Будем стараться преодолеть своей бескорыстной любовью все трудности, чтобы иметь возможность всегда находить у коммунистов благодатную почву для наших увещаний. Пусть почувствуют коммунисты благотворное действие нашей любви, пусть они не чувствуют себя забытыми, обделёнными. Своими советами и указаниями мы даём коммунистам блестящий, драгоценный жизненный дар.

Прежде всего мы бы не хотели, чтобы коммунисты утруждали себя политикой и решением социальных вопросов.

Как было бы прекрасно, если бы вместо митингов и сходок они сооружали песочные куличики, весело распутничали в наших многочисленных парках и вместо докладов о III Интернационале играли в массовые игры. Мы даже готовы завести в «Чехословацкой республике» отдел «Игры и забавы», какой уже был когда-то в «Счастливой родине».

Кроме того мы рекомендуем игру в пятнашки, в прятки, в классы. Если на политическом горизонте появятся тучи, давайте забавляться вырезыванием бумажных куколок и штопаньем чулок! В случае безработицы, если мы окажемся без места, у нас будет достаточно свободного времени, чтобы вырезать из твёрдого картона различные предметы для украшения своего домашнего очага.

Главное — остерегаться читать другие газеты, кроме правительственного органа. Давайте выезжать на лоно природы, дышать свежим воздухом, наблюдать нравы и то, как прилежно трудится наш народ.

«Руде право» недавно упрекнуло нашу газету в том, что мы указываем нашим ораторам, о чём им следует говорить. Мы не писали до сих пор, как, собственно, представляем себе речи коммунистов Первого мая, но мы принимаем здесь вызов «Руде право» и даём краткое содержание предполагаемых

выступлений коммунистических ораторов в этот день:

«Первое мая является первым днём мая месяца. Май — первый месяц самого энергичного цветонасаждения и главный месяц весеннего сева. В начале мая мы высаживаем рассаду всех овощей, причём особенно чувствительных — в середине мая. Высаживаем также рассаду цветов. Семена морозоустойчивых растений можно сразу сеять в землю. К ним относятся: фасоль, тыква, огурцы, фрукты...»

В таком вот духе должны быть выдержаны речи всех ораторов, и мы не сомневаемся, что массы разойдутся с первомайской демонстрации вполне удовлетворёнными, уверенными, что в мае сажают кочанный салат, брюкву, горох, морковь, редиску, летнюю редьку и т. д.

Никто не может упрекнуть нас в том, будто мы не стремились продиктовать лозунги, которые несли демонстранты. Но всё-таки, к нашему глубокому сожалению, мы видели, что чем дальше, тем больше углубляется пропасть между капиталом и пролетариатом. Не будем закрывать глаза на правду — во лжи нет спасения...

А ведь, в сущности, какие претензии могут быть у пролетариата к капиталу? Как было бы хорошо, если б демонстранты несли плакаты с надписями: «Да здравствует капитал! Ваши преданные рабочие». Для этого необходимо обладать внутренней культурой и душевным благородством; необходимо, чтобы рабочий класс поднялся до такой степени сознательности, когда он будет всегда абсолютно удовлетворён своей судьбой. Если к подобному же совершенству придут и так называемые правые, надеемся, что тогда и коммунисты, умудрённые прилежным чтением «Чехословацкой республики», нашего правительственного органа, достигнут истинной внутренней культуры. Вот тогда-то Первое мая будет подлинным праздником трудящихся к вящей выгоде их братьев-капиталистов. Ибо есть ли что-нибудь более прекрасное в человеческой жизни, нежели сознание, что ты можешь быть полезен своему соотечественнику?

Если все будут следовать нашим советам, то мы уверены, что и в беднейшей рабочей семье каждый день будет подаваться к обеду то, что теперь даже министр имеет лишь в воскресенье. А именно:

Суп с куропатками. Рагу из омара в масляном соусе с валашским салатом в цветах ма-

ка. Беф с мадерой и зеленью. Цветная капуста в розочках из ветчины. Окорок козули с венским кнедликом. Лимоны, ананасы, брусника... Жареные цыплята с салатом и компотом. Крем «Крамарж» в ванильных вафлях. Торт «Тузар». Торт «Бенеш». Конфеты, сами тающие во рту. Чёрный кофе. Фрукты.

Перевела с чешского
Н. РОГОВА.

СВЕТИЛО СЫСКНОЙ НАУКИ

Рисунки Ю. ФЕДОРОВА

и обмирают либеральные кролики американской науки.

Ричард Комбс — звезда университетского сыска. Это привело его в университеты и дало ему лавры учёного. Он создал науку сыска — комбсологию, и её ныне вводят во всех высших учебных заведениях США. Она представляет разновидность маккартизма.

Ричард Комбс соединил в своей особе внешний вид человека, умственные способности недоразвитого воробья и чутьё лягавой ищейки.

Ричард Комбс мог бы появляться в тоге доктора гонорис кауза (почётного). Но он презирает тоги. К лицу ему были бы звериная шкура, перья на голове и скальпы у пояса. Но скальпы не в моде. Каждый раз, как Комбс убивает своим холодным взглядом ординарного или экстраординарного учёного, он как бы привешивает к своему поясу парик. Если изгнанный профессор был старый и лысый, Комбс украшает себя седым и лысым париком. Если был изгнан молодой доцент, Комбс потряхивает у пояса пышными кудрями.

Действуя в университетах Калифорнии, Комбс обвешал себя более чем сотней париков — скальпов. Ныне его выписывают во все университеты США для охоты за вольномыслящими профессорами и доцентами. Недавно он прибыл в Вашингтон, где были открыты курсы высшего сыска в сфере высшего образования.

Ричард Комбс претендует на приоритет. Но, в сущности, это знакомый нам чеховский банщик, который голого дьякона принял за «социалиста». Когда он убедился в своей ошибке, он сказал: «Извините, батюшка, за то, что я подумал, будто у вас в голове идеи». Ричард Комбс — это главный банщик американской науки. Он моет профессоров без мыла и парит их без веника. Его основной враг — прогрессивные идеи. За три километра он чутьём обнаруживает такую идею.

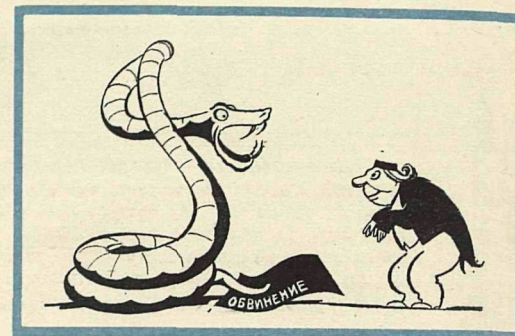
Ричард Комбс — это тот самый консультант комиссии по «антиамериканской» деятельности, который недавно умудрился вызвать к себе на допрос убитого гитлеровцами Юлиуса Фучика!

Это он, Ричард Комбс, настоял на увольнении из университета профессора, который знакомил студентов с Джоном Стюартом Миллом — архибуржуазным экономистом Англии. Комбсу докладывали, что либеральные идеи Милла не только не опасны для капитализма, а даже целительны. Комбс услышал слово «либерал» — и профессор сник под пронизывающим взглядом сыскаго удава.

Комбсология — наука несложная. Комбсолог входит в кабинет профессора и видит на столе книги. Он читает заголовки: «Социология» или «История идей»... Достаточно!

— Клянусь, я не коммунист, — уверяет профессор, трясаясь в лихорадке, — я не встречался никогда ни с каким коммунистом!

— Довольно, — говорит ректор. — Старший комбсолог знает, что вы не коммунист, но от вас чем-то идейным пахнет.

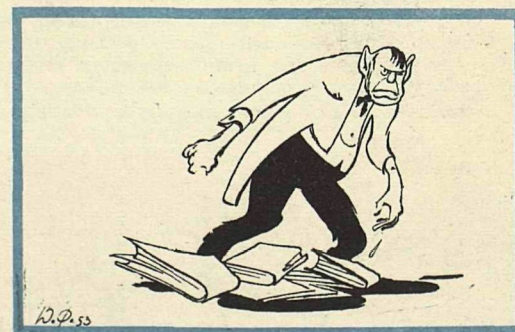

И в этом отношении приоритет принадлежит не Ричарду Комбсу. Сквозник-Дмухановский приказывал своим держимордам гнать не только тех, кто подаёт жалобу ревизору, но и тех, которые хотя и не подают, но похожи на таких, кто может подать.

Во всех американских университетах идёт азартная охота за прогрессивными профессорами. Всё, что похоже на подлинную науку, изгоняется. Комбсологи введены ныне почти во все учёные советы университетов и колледжей. Комбсология преподаётся как дисциплина. Студентов учат быть провокаторами, сыщиками. Но прежде всего они должны стать дикарями.

Однако комбсология — это охота не только за коммунистами, но и за всеми порядочными людьми. Надо воздать должное американской интеллигенции: среди неё немало таких людей, которые «приспособлению к подлости» предпочитают изгнание, нужду, тюрьму. Вместе с распространением комбсологии растёт и сопротивление ей. Не все преподаватели дают запугать себя. Есть профессора, которые боятся молодёжи, молодёжь презирает этих профессоров. Она не задаёт им вопросов и не ждёт ответов. Но есть такие профессора и преподаватели, которые открыто встают на защиту чести и достоинства науки. Они отказываются отвечать на инквизиторские вопросы комиссий и подкомиссий о своих политических убеждениях. Преподавательница из Спрингфилда (штат Массачусетс) госпожа Робения Ф. Антони заявила: «Мне почти 74 года. Вы хотите, чтобы накануне моей смерти я отказалась от тех принципов, которых я придерживалась на протяжении всей моей жизни, — нет, я этого не сделаю».

Растущее сопротивление реакционному разгулу приводит в остервенение продажную печать. Она травит честных учёных и призывает к расправе с ними.

США — это страна, которая не знала европейского феодализма. В ней не пылали костры средневековой инквизиции. США ныне навёрстывают упущенное в прошлом. Буржуазная инквизиция утратила театральные эффекты костров Лойолы, но свирепость сенатора Маккарти превосходит свирепость средневековых монахов. А по степени дикости США уже оставили далеко позади феодальную Европу. Ричард Комбс шествует прямо в каменный век. И если передовая европейская наука о человеке рассказывает о том, как произошёл человек от зверя, то американская комбсология учит превращению человека в зверя.

Д. ЗАСЛАВСКИЙ

В СССР университеты широко раскрывают свои двери перед весёлой и бодрой молодёжью. Они заботливо пополняют кадры профессоров и доцентов.

В США университеты полузакрывают двери и хмуро смотрят на нерешительных, робких, молчаливых, староватых юношей. Их называют «потерянным», «молчаливым» поколением. В США выгоняют профессоров и доцентов.

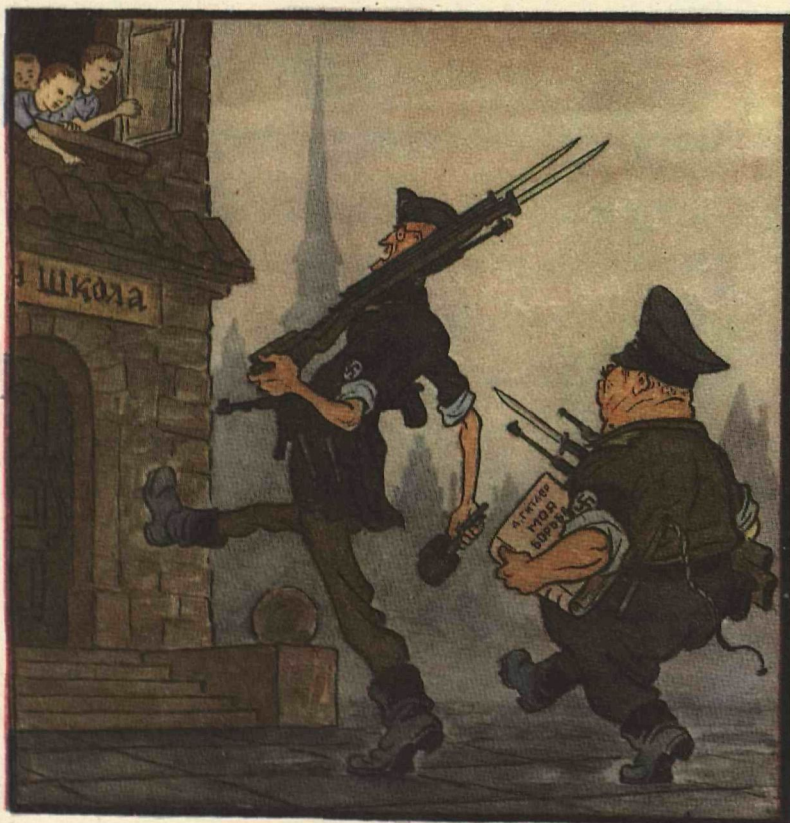
В СССР предлагают юношам любые на выбор науки.

В США все и всякие «логии» почтительно и испуганно сторонятся перед новой наукой — комбсологией. Она проходит вперёд, отталкивая социологию, биологию, зоологию, геологию, даже окончательно беспартийную топтологию. Она занимает первое место на всех факультетах.

Спросите любого учёного или студента, кто ныне самый известный деятель американской науки, кто её «стар», звезда. Все скажут: Ричард Комбс. О нём пишет вся буржуазная печать. Его глаза так же известны, как нога балетной звезды с Бродвея, как перчатка первого боксёра, как зубы сенатора Маккарти. Глядя в неподвижные глаза Комбса, цепенеют

В школах Западной Германии преподавателями назначаются офицеры и унтер-офицеры возрождаемого вермахта.

Рисунок М. АБРАМОВА.

— Вот идут наши новые преподаватели со своими учебными пособиями.

НА ТОРГОВЫХ ПУТЯХ

- В Голландию прибыла первая партия закупленных в СССР автомобилей «Москвич». В Дании построен для Советского Союза торговый пароход.

Рисунок В. ФОМИЧЕВА.

— Тебе курсировать по морям, мне — по суше, а курс у нас один — к миру.

ДОРОГАЯ УХА

В тот день, о котором идёт речь, на Рыбинском море выдалась редкая для тех краёв тихая погода.

На радость диспетчерам Переборского рейда речники отправлялись в очередные рейсы строго по графику и расписанию. Неожиданно со стороны Рыбинского шлюза донеслись неистовые слова команды:

— Отдать чалки! Полный вперёд! Приготовить багры! Лево руля!

Через несколько минут тишину снова разрезали воинственные клики:

— Вот она! Глуши её! Бей сильнее! Хватай за хвост!

Мощный газоход № 464, оставив караван барж и шаланд, совершал на предельных скоростях головокружительные манёвры в камере шлюза. Буксирное судно гонялось за какой-то невидимой жертвой.

За бортом в пучине волн несколько раз всплескивала хвостом полуживая от страха рыбка. Она-то и нарушила покой экипажа газохода.

Операцией руководил лично капитан Морозов. В охотничьем пылу он меньше всего заботился о судне, и только сильный треск привёл его в чувство. Но было поздно: газоход носовой частью упёрся в выступ шлюза, привальный брус обломился с обеих сторон.

Любитель рыбных блюд отделался лёгким испугом. Руководители Щербакского порта не увидели в его поступке ничего предосудительного.

В худшем положении едва не оказался другой заядлый рыболов, заместитель начальника Западного порта Сорокин. Довелось ему по делам службы побывать на теплоходе «Темпы». Во время рейса по Москве-реке у Маякинского луга ответственное лицо узрело продвижение соблазнительного косяка.

— Аврал! Свистать всех наверх! — скомандовал Сорокин. — Следовать за рыбой!

Но на теплоходе, как назло, не оказалось не то что невода, бредня или спиннинга, не было даже обыкновенной удочки. Пришлось пустить в ход весь судовой инвентарь.

Несколько часов незадачливые рыболовы преследовали свою добычу, забыв о графике и плане перевозки грузов.

Узнал об этом безобразии заместитель начальника Управления пароходства Геннадий Семёнович Зареев. Возмущению его и негодованию не было предела:

— Пресечь! Чтобы другим неповадно было!

Сорокину, казалось, не поздоровится, тем более, что за ним водились и другие «грешки».

Ничего подобного, однако, не случилось. За подписью Г. С. Зареева вышел примечательный в своём роде документ.

«Учитывая то обстоятельство, — говорилось в документе, — что на тов. Сорокина в недавнем прошлом было наложено серьёзное взыскание за другие проступки, руководство пароходства решило ограничиться предупреждением последнего о недопустимости подобных явлений в дальнейшем».

Одним словом, страшен суд, да милостив Геннадий Семёнович Зареев.

В. МОИСЕЕВ

Л. ГАЛКИН

Страшный сон

(По К. Чуковскому)

Полночь.
Поздняя пора.
Вовы спят и Наты.
Мирно спят директора
Райпромкомбинатов.
Вот один из них проснулся
Весь в поту, весьма смущён,
Оглянулся, ужаснулся:
— Ах, какой кошмарный сон!
Всё, что видел он во сне,
Тотчас рассказал жене:
— Одеяло убежало,
Улетела простыня,
И подушка, как лягушка,
Ускакала от меня.
Из окошка прямо в спальню,
Кривоногий и хромой,
Тут вползает умывальник
И качает головой:
«Ах ты, старый и прожжённый
Бракодел!
Ты как следует работать
Не хотел.
Всё, что вижу в этой спальне,
Заказал ты персонально!
Здесь и никель, здесь и лак,
А на рынок гонишь брак!
Появились в результате
Колченогие кровати.
За колючие мочалки,
Что грубей шершавой палки,
За сверхтвёрдые подушки
Я не дал бы ни полушки!
Мы, бракованные вещи,

Бракоделов всех отхлещем,
Чтоб не делали нигде б
Непотребный ширпотреб!»
Он ударил в медный таз
И вскричал: «Кара-бараз!»
В окна начали врываться
Безобразные матрацы,
И бракованные щётки
Затрещали, как трещотки,
Закричали в полный голос:
«Полысели!
Выпал волос!
Задаём тебе вопрос:
Что за щётка без волос?»
Щётки миглом подскочили
И вцепились в волосы,
Теребили, колотили
И кусали, как оса.
А от бешеной мочалки
Я помчался, как от палки,
А она за мной, за мной
По Бассейной, по Сумской!
От неё спастись бы рад,
Я вбегаю в зоосад.
Вижу надпись: «Крокодилы».
Мне навстречу — крокодил,
Улыбнулся очень мило,
И меня он проглотил!
И вот тут-то я проснулся
Весь в поту, весьма смущён,
Оглянулся, ужаснулся...

* * *
Жаль, что это только сон!
г. Харьков.

В КРУГУ ДРУЗЕЙ

Шла защита диссертации Зинаиды Ивановны Русановой. Уверенным голосом диссертантка только что дочитала последние страницы своих тезисов. Уже высказался в положительном смысле первый оппонент. В том же тоне высказывался и второй. Председательствующий, профессор Яковлев, скучающим взглядом обводил стены зала заседаний учёного совета. Всем своим видом он говорил: «Всё в порядке, защита пройдёт без сучка, без задоринки!» Члены совета одобрительно улыбаются и кивали диссертантке, сидевшей с гордым видом в первом ряду.

На самой задней скамье, рядом со мной, поместился мужчина в синем халате. Видимо, представитель технического персонала. Расставив локти на столе и подперев обеими руками голову, он пристально следил за ходом защиты.

— Ах, черти! До чего гладко говорят! — воскликнул он. — Не подкопашься! — И, обернувшись ко мне, подмигнул: — Мёртвая защита, не прсбёшься!

— Почему мёртвая?

— Приятели стеной встали, как футболисты перед воротами. Тут не то что мячу, горошине негде пролететь. Вон, видите, сидит профессор с большой бородой и в золотых очках? Это Иван Филиппович Копыл — заведующий кафедрой растениеводства. А Русанова у него на кафедре работает. Ну, и был у них такой приятельский сговор, чтобы Иван Филиппович всех неугодных оппонентов отвёл. Главная опасность ожидалась от Института кормов, поскольку там сразу раскусили, что диссертация Русановой — чистойшей липа, хоть и о травах написана. «Этот институт, — заверил профессор Русанову, — я возьму на себя. Обработаю строптивых! И вы и я — ученики академика Якушкина. Пугнём-ка их его именем». Ну, и пугнул.

— Каким же образом?

— Да очень просто. Приехал к директору института — и сразу быка за рога. Говорит: «Не можете ли вы заболеть и не приезжать к нам на защиту диссертации Русановой?» Тот говорит: «Я здоров». А этот твердит: «Заболейте! Ведь и вам придётся защищать. Стоит ли портить отношения?..» Видите, куда завернул. Академик, небось, и не подозревает, как его добрым именем пользуются.

— Что-то не верится, чтобы в наши дни...

— Тут дела и почище были. Например, оппонента Богданова уговаривали: «Николай Николаевич, диссертация, верно, слабая. Кто спорит? Но «закройте глаза»... А Богданов категорически: «Нет». «Ну, — говорят, — раз нет, то придётся вас из оппонентов, так сказать, вывести». И вывели! Заменяли Богданова другом и приятелем Русановой — доцентом Егошиным из Пушного института... Это он выступает. Слышите, как разливаётся?.. Впрочем, кончил. Кто же теперь? Ага, Богданов поднимается. Послушаем!

Мы устремили взгляды на трибуну. Там стоял доцент Богданов.

— Кроме меня, — говорил он, — ещё четверо отказались быть оппонентами по диссертации Русановой. Отказались потому, что работа явно не пригодна. Материалы подтасованы, это не вызывает никакого сомнения. Больше того, меня просили по-приятельски закрыть на это глаза...

— Говорите только по существу диссертации! — сердито бросил председательствующий.

— Я говорю, — продолжал Богданов, — о самом существенном. Приятели помогают Русановой...

— Я лишу вас слова! — крикнул профессор Яковлев.

— Видали, как действует председатель? — обернулся сосед. — Слова против не даст сказать, а сам сидит под лозунгом о значении критики в науке. Ну и дела!..

— Диссертантка, — попытался продолжать Богданов, — упорно отказывается представить подлинные записи полевых опытов...

Рисунок М. ЧЕРЕМНЫХ.

ДЕД-МОРОЗ: — Вижу сквозь эти щели, что меня здесь не ждут.

— Лишаю вас слова,— изрёк профессор Яковлев.
— Как же их покажешь, записи-то, раз они неправильные? — заметил мой сосед. И вдруг оживился: — Смотрите, на трибуну поднимается доцент Бригес! Эта будет говорить не столько о диссертации, сколько о Русановой как о человеке.

Он угадал поразительно точно.
— Я,— заявила Бригес,— не специалист в этой области и диссертацию вовсе не читала,— может быть, критика и справедливая. Но зато я хорошо знаю Русанову. Кандидата ей можно вполне дать.

— Здорово вы угадываете,— заметил я соседу.
— А как же, работаешь бок о бок — и чтобы характера человека не знать!.. Вот и центр защиты — профессор Герчиков. Вчера на кафедре в присутствии нескольких научных сотрудников он говорил, что диссертация Русановой непригодна, своими ушами слышал. Послушаем, что теперь скажет...

Профессор Герчиков, не поднимая глаз на членов совета, закончил своё выступление словами:

— Работа уважаемой Зинаиды Ивановны, безусловно, заслуживает присуждения учёной степени...

— Товарищи члены учёного совета,— возгласил председательствующий,— получите бюллетени для голосования.

...Защита состоялась.

— Ловко! — восхитился сосед.— Один — ноль в пользу Русановой... Ну, до свиданья, товарищ, не знаю, как вас звать. Теперь подождём, что скажет большой совет. Поинтересуйтесь, очень любопытно!

И в самом деле было любопытно. Шесть раз собирался большой совет, чтобы решить — утвердить или отменить защиту Русановой.

На последнем, шестом, совете мы опять встретились с человеком в синем халате.

— Ну-с,— сказал он, словно мы только вчера расстались,— друзья-приятели взяли перевес. Защита утверждена. Прискорбно, но факт.

Он помолчал, слушая выступление профессора Яковлева, в который уже раз доказывающего, что Русанова — прекрасный человек (диссертации он не касался).

— Замечаете, Русанову хвалит, а о диссертации молчок. Почему? Да очень просто: председатель совета не растениевод, оппоненты — тоже. Расчёт тут точный. Потому и защита поставлена у нас, что немного здесь специалистов по травам. Поставьте её, скажем, в Институте кормов, где знатоки этого дела,— в два счёта провалилась бы Русанова, несмотря на поддержку приятелей.

Кстати, о характере приятелей Русановой,— усмехнулся мой старый знакомый.— Помните профессора Ивана Филипповича Копыла? Вон он, в третьем ряду. За полгода человек неузнаваемо изменился. Его утвердили в звании профессора, собственная его докторская диссертация утверждена. Теперь он громит диссертацию Русановой, пишет на неё в Высшую аттестационную комиссию, ходит по редакциям. Ему уже не страшно испортить отношения с покровителем, вот он и бьёт по собственным воротам, сам себя разоблачает.

Стенограммы и копии писем Копыла нашлись тут же, в делах учёного совета. Читая их, я глядел на профессора Копыла. Он невозмутимо сидел среди членов совета и гладил окладистую бороду.

* * *

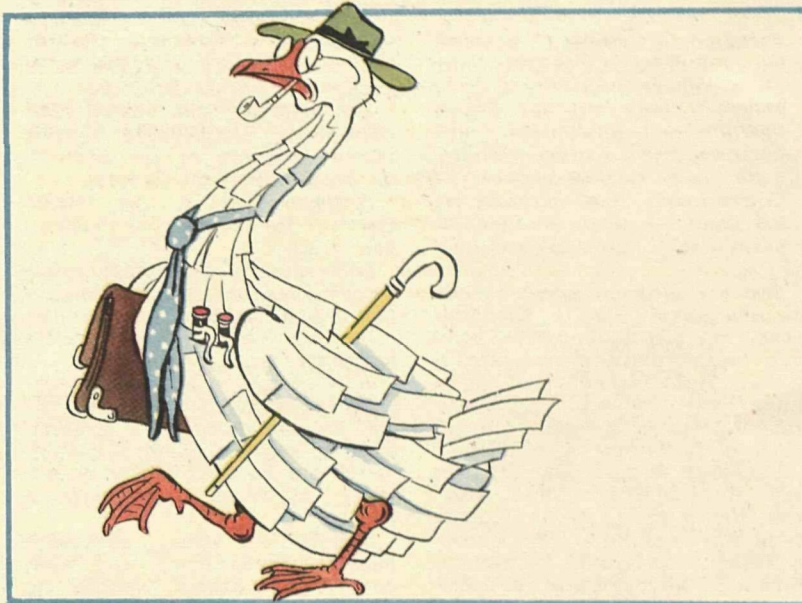
Всё это произошло в Московской ветеринарной академии, члены учёного совета которой много и часто говорят о высокой принципиальности в науке.

Е. АНДРЕЕВ

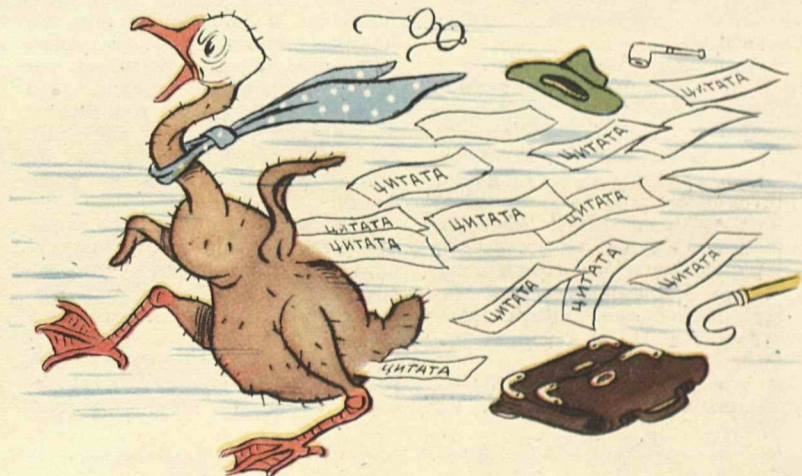
ГОРЕСТНАЯ ИСТОРИЯ ОДНОГО ГУСЯ

Рисунок А. КОЗЮРЕНКО. (Из журнала «Перец».)

В некоем учёном заведении был почтенный учёный гусь.
Вот такой:

Случилось, что в заведении подул свежим ветром критики.
И учёный гусь стал вот таким:

Крокодил помог

◆ В № 14 журнала, в разделе «Дорогой Крокодил», была помещена заметка о том, что на полевых станах колхоза «Большевик» (Ростовская область) нет радио, а имеющиеся в колхозе радиоприёмники не отремонтированы. Как нам сообщил исполком Ростовского облсовета депутатов трудящихся, радиоприёмники сданы в ремонт, начаты работы по радиофикации колхоза.

◆ Крокодил (№ 15) в заметке «Сапоги «Не тронь меня» писал о том, что артель «Коопремонт» (Ново-Белица, Гомельской области) выпускает недоброкачественную обувь.

Решением бюро Новобелицкого райкома КП Белоруссии за выпуск недоброкачественной обуви на председателя правления артели тов. Аронова наложено взыскание. Зав. производством тов. Гохман снят с работы.

◆ В фельетоне «Пожалуйста к столу» (Крокодил № 16)

отмечалась плохая работа столовых и чайных в Великих Луках, Витебске и Орше.

Министерство торговли БССР и Великолукский горком КПСС сообщают, что для устранения недостатков в общественном питании Витебска, Орши и Великих Лук приняты необходимые меры: столовые и чайные ремонтируются, улучшено качество пищи.

◆ В № 17, в разделе «Вилы в бок», Крокодил писал о директоре Васильевского леспромпхоза (Татарская АССР) тов. Сергиенко П. П., который за один сезон лесозаготовок издал около 300 приказов. В то же время план предприятия выполнен всего на 27 процентов.

За развал работы тов. Сергиенко с поста директора снят. Министерством местной и топливной промышленности Татарской АССР приняты меры к устранению недостатков в работе Васильевского леспромпхоза.

Июньская Счасть

В. ГРАНОВ

СТРАННЫЕ ПОЧЕСТИ

В районном центре Назарово, Красноярского края, на одном из предприятий общепита красуется вывеска: «Закусочная артели «Память Пушкина».

Что дорожат в артели памятью поэта,—
Похвально это.

Но у кого-то — намекнём,—
Как видно, такта менее, чем пыла.
Уж лучше б, ради памяти о нём,
Артель на вывеске поэта позабыла!

Н. ЛАБКОВСКИЙ

СЛУЧАЙ С ЛИРИКОМ

«...Как рубин, пылал закат,
Серебром светились горы,
И алмазный падал град
В изумрудные озёра.
В бирюзовых небесах
Плыло облако опалом...»

Сами видите, в стихах
Было ценностей немало.
Но хотя стихи — и клад,
Место им нашлось в корзине,
А поэт зачислен в штат...
В ювелирном магазине!

ДВОЕЧНИКИ

Начнём с маленького конфликта между комбинатом «Красная Роза» и гражданкой Черкасской.

Гражданка купила розовое одеяло и подшила к нему свежий пододеяльник.

И в тот же день на белом полотне пододеяльника возникли «цветы»: бледно-розовые, фиолетовые, сиреневые.

На второй день клумба на простыне значительно расширилась — появились новые цветочки.

Это интенсивно линял атлас на новеньком одеяле. Выяснилось, что оный продукт — дело рук вышеупомянутого комбината. Покупательница через универмаг, где она приобрела своё цветущее одеяло, обратилась с протестом в комбинат.

Главный инженер комбината тов. Натансон спокойно ответил, что у гражданки Черкасской нет причины для беспокойства: материя окрашена согласно инструкции за номером таким-то и от такого-то числа. А посему всё правильно, и одеяло обязано линять. «Ввиду вышеизложенного мы не считаем возможным удовлетворить претензию покупательницы».

Такая же точка зрения — не на данное, конкретное одеяло, а вообще на свою продукцию — и у тов. Богаевой, директора комбината. Если она и выпускает брак, то согласно инструкции такой-то от такого-то числа. Любая материя имеет полное право линять и блекнуть, если на то имеется бумажка из министерства.

Бумажка такая действительно имеется. Но о ней мы поговорим ниже.

А пока перелистаем небольшой альбом, составленный из

анализов промтоварной лаборатории Министерства внешней и внутренней торговли СССР. На каждой странице небольшой кусочек ткани «Красной Розы», а рядом пять лоскутков белого полотна.

Но полотно было белым давным-давно. Поблекшие краски ткани покрыли белые лоскутки всеми цветами радуги.

Линяет ткань и при сухом трении. Но воды она боится, как огня.

Она терпеть не может стирки, считая это мероприятие настолько унизительным для себя, что порой совершенно бледнеет от оскорбления.

А в дождь такая ткань совершает чудесные метаморфозы: сиреневое платье превращается в фиолетовое, а фиолетовое — в цвет, которого ни одному художнику не определить.

Словом, мы здесь наблюдаем весьма затейливую игру красок. Лишь одной краски не видать: мы имеем в виду краску стыда на лицах тех людей, которые выпускают в свет негодную продукцию.

Боже нас упаси охаивать целиком и полностью все изделия комбината. У него есть — да иначе и быть не может! — добротные шелка. Но сегодня речь идёт о тех многочисленных кусках материи, образцы которых попали не только в этот альбом, но и на полки магазинов.

Самым опасным в этом деле является позиция, занятая руководством комбината. Директор тов. Богаева упорно отстаивает теорию «законного брака». А поэтому в письме в Центральный универмаг директор категорически отказывается принять забракованные

универмагом ткани. Ко всем своим химическим фокусам тов. Богаева пытается добавить ещё один: она объявляет чёрное белым, защищаясь при этом пресловутой бумажкой из министерства.

А кроме всего прочего она тычет пальцем в сторону тов. Мальцева: дескать, я не одна, он тоже моего поля ягода...

Тов. Мальцев — директор камвольной фабрики в Павловском Посаде. Перед нами лежит альбом, посвящённый деятельности тов. Мальцева. Его ткани тоже линяют и блекнут.

Но товарищ Мальцев не согласен с рекламациями торговых организаций. Он пишет в Центральный универмаг:

«Фабрика ещё раз заявляет, что поставленная ею ткань является доброкачественной по всем её данным, в том числе и по крашению... Никакие штрафные санкции в данном случае не могут иметь места...»

В заключительной части своего послания глава павловского текстильного предприятия «имеет честь» сослаться на ту самую бумажку из министерства, которая узаконила его брак...

Что это за бумажка?

В текстильной промышленности давно установлена пятибалльная система при оценке прочности крашения ткани: белый материал при трении о цветную ткань не закрашивается — 5, едва закрашивается — 4, незначительно закрашивается — 3, заметно закрашивается — 2, значительно закрашивается — 1.

Покупатель, приобретший шёлк или батист, заметно закрашивающий его бельё, не приходит в заметный восторг. Двойка — это плохо. И нет человека, который пожелал бы купить товар, получивший такую плохую отметку.

Но в недрах Министерства лёгкой промышленности СССР существует инструкция, которая разрешает фабрикам (то есть поощряет!) выпуск тканей, имеющих отметку «2».

Инструкция превратилась в спутника бракодела. Ею нерадивые работники текстильной промышленности пытаются прикрыться, как зонтиком, от палящих лучей критики.

В начале марта сего года Министерство торговли СССР просило Министерство лёгкой промышленности:

«Считая, что такие низкие показатели прочности крашения не обеспечивают интересы потребителя и качество товара, Министерство торговли СССР просит Вас пересмотреть данную инструкцию, сохранив в ней только показатели прочности крашения не ниже удовлетворительных».

При этом двоечники пытаются все свои неудачи взвалить на химическую промышленность: дескать, красители не на высоте.

Спору нет, с красителями ещё не совсем ладно. Никто не снимает вины с химической промышленности. Но ведь не только ткань красит человека, но и человек красит ткань.

А человек должен проявить инициативу. Пример — Ростовская фабрика. Её руководители одно время тоже считали двойку своим высшим баллом. Но в последнее время они махнули рукой на устаревшую инструкцию, начали искать способы прочного крашения и добились немалых успехов.

Итак, мы видим: ткань блекнет там, где за ней плохой уход, где люди стараются работать не больше, чем на двойку.

Г. РЫКЛИН

Рисунок В. ВАСИЛЬЕВА.

ШИРОКИЙ КРУГОЗОР

Студентка Эплочка с головой ушла в литературу.

Дорогой крокодил!

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ
Штапельное полотно фабрики «Ново-Ивановская мануфактура» обладает свойством менять свою окраску, стоит только выстирать его в холодной воде. Моё платье после стирки так изменилось, что я его даже не узнала.
И. СОФОНЕНКО
Краснодарский край.

НЕ ШЕЙ ТЫ МНЕ, МАТУШКА, КРАСНЫЙ САРАФАН... из штапеля, если его выпустила

УВАЖАЕМЫЙ КРОКОДИЛ
Ботинки Новоградской обувной фабрики внешне красивы, но буквально «горят» на ногах и через несколько дней становятся непригодными к носке.
П. ДОВГЕР
г. Барановичи.

ОЙ, НЕ ХОДИ, ГРИЦЮ, ТАЙ НА ВЕЧЕРНИЦЮ... в туфлях, которые выпускает

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ
Посылаю тебе пачку махорки. Дай, пожалуйста, прикурить директору махорочной фабрики в г. Черкассы. Пусть он сам убедится, что выпускаемая им махорка неприятна на вкус, слаба и грубо обработана.
А. МАКЛАКОВ
Воинская часть.

ЭХ, МАХОРОЧКА, МАХОРОЧКА, ПОДРУЖИЛИСЬ МЫ С ТОБОЙ... но, видимо, придётся расстаться с тобой, так как портит тебя

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ
Нам очень обидно, что Московский завод имени Сталина порой выпускает продукцию низкого качества. Так, электрохолодильники, которые попали в наш магазин, доставили нам много огорчений.
Г. ГАВИСОВ,
директор магазина «Главэлектросбыт».
г. Дзауджикау.

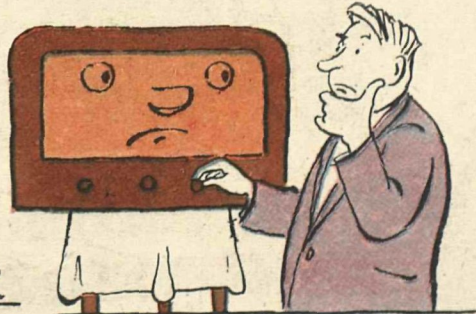
ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ
Уже третью ленинградскую авторучку я покупаю в этом году. Но ни одна из них не оправдала своего назначения. Вечное мучение с этими «вечными» ручками!
В. ПРЕНИН
г. Саратов.

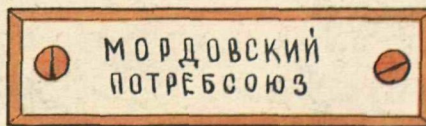
— Я ВАМ ПИШУ — ЧЕГО ЖЕ БОЛЕЕ? ЧТО Я МОГУ ЕЩЕ СКАЗАТЬ?... о качестве ручек, которые изготавливает

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ
Более года Мордовский потребсоюз не завозит в магазины батарейное питание к радиоприёмникам «Родина-47».
Ф. АНАШКИН,
редактор газеты «По ленинскому пути».
Старо-Шайговский район,
Мордовской АССР.

Я ТЕБЕ НИЧЕГО НЕ СКАЖУ, Я ТЕБЯ НЕ ВСТРЕВОЖУ НИЧУТЬ... потому что не обеспечил меня питанием

И КТО ЕГО ЗНАЕТ, ЧЕГО ОНО ТАЕТ... Тает потому, что положено в холодильник с маркой:

40

11 СЕН 1933

10576 м

Рисунок Ю. ГАНФА.

Всесоюзная
Книжная Палата
Област. экземпл.
1933 г.

ОПТОМ И В РОЗНИЦУ

Франко продаёт американцам не только порты, шахты, железные дороги, но также исторические памятники и даже камни зданий древних соборов.

ЮГ 53

— Генерал Франко приехал сюда, чтобы возблагодарить бога за удачную торговую сделку с американцами.
 — Какую!
 — Ему удалось продать наш собор на вывоз.